

studia naturalia

И. А. Морозов
М. Л. Бутовская
А. Е. Махов

ОБНАЖЕНИЕ ЯЗЫКА

**КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ
СЕМАНТИКИ
ДРЕВНЕГО ЖЕСТА**

**ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2008**

ББК 71.04
М 80

Утверждено к печати Ученым советом ИЭА РАН

Рецензенты:

д. и. н. Н. И. Халдеева, к. и. н. А. Н. Ямсков

Морозов И. А., Бутовская М. Л., Махов А. Е.

М 80 Обнажение языка (кросс-культурное исследование семантики древнего жеста). — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 320 с.: ил. — (Studia naturalia). (*Вклейка после с. 112*)

ISBN 978-5-9551-0254-2

Книга посвящена исследованию знаковых функций и смысловой нагрузки жестов, связанных с использованием языка (как части тела). Авторы данного исследования, специалисты в разных областях гуманитарного и естественнонаучного знания, поставили перед собой задачу выяснения (раскрытия, «обнажения») функциональной роли языка как части тела в различных мифологических, ритуально-магических и повседневно-бытовых практиках. При этом уделяется пристальное внимание кросс-культурному анализу структуры и семантики жеста «высовывания (обнажения) языка». То есть сигналам, связанным с движением языка, которые привлекают к себе внимание прежде всего своей архаичностью и наличием отчетливых гомологий в поведении животных (в первую очередь обезьян), и следовательно позволяют обратиться к ранним истокам человеческого общества, к некоторым аспектам возникновения мышления и речи, к их «биологическим корням».

Книга адресована специалистам по этологии человека, социальной и культурной антропологии, а также широкому кругу читателей, интересующихся социально-биологическими основами человеческого поведения и мышления.

ББК 71.04

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0254-2

© Авторы, 2008
© Языки славянской культуры,
оригинал-макет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
От авторов	7
О задачах и целях данного исследования	8
Несколько слов о кинесике	13
Символика обнажения в разных культурах	21
Функции языка как части тела в культуре	29
ЭТОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ	42
Высунутый язык как знак психоэмоциональных и физиологических состояний	46
Сопутствующие жесты и мимика	55
Ритуализация поведения у человека и у животных	60
Высунутый язык у животных	68
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ: МИФОЛОГИЯ НАРОДОВ ДРЕВНОСТИ	76
Высунутый язык у божеств Древнего мира	76
Высунутый язык у божеств Древней Индии, Тибета и Китая	86
Высунутый язык у божеств ацтеков и майя	91
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТЫ	94
Жест «высовывание языка» с точки зрения кросс-культурных различий	94
Мифология, обрядовые практики и верования в традиционных культурах	98
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ: ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	112
РУССКАЯ КУЛЬТУРА: ФОЛЬКЛОР, ЖИВОПИСЬ, ЛИТЕРАТУРА	147
ВЫСУНУТЫЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ	178
Современные повседневные практики в разных культурах	178
Высунутый язык у детей	183
Высовывание языка у взрослых	196
Гендерная специфика жеста «высовывание языка»	206
Высунутый язык в современной массовой культуре	209

ВЫСУНУТЫЙ ЯЗЫК: СЕМАНТИКА	241
Восприятие носителями культурной традиции:	
экспериментальные данные	241
Сопутствующая семантика.....	248
Способы трансформации смысла	255
Каналы трансляции	276
ВЫСУНУТЫЙ ЯЗЫК: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ.....	283
Литература	292

ВВЕДЕНИЕ

От авторов

Авторы выражают глубокую благодарность всем, кто оказывал содействие и помощь в создании этой книги. В частности, мы чрезвычайно признательны за помощь в организации тестирования и анкетирования школьников и студентов Татьяне Любимовне Борисенко (МГИМО), Анне Алексеевне Анненковой (курсы повышения квалификации менеджеров среднего звена компании «Русал»), Наталье Сумбатовне Агамовой (детский клуб «Гуманитарий», г. Москва), преподавателям Орловского технического университета.

Благодарим за ценные советы, предоставленную информацию и указание на полезные источники Елену Петровну Батянову, Галину Ильиничну Кабакову, Ирину Семеновну Кызласову (Слепцову), Павла Сергеевича Куприянова, Светлану Игоревну Рыжакову, Елену Александровну Самоделову, Ольгу Евгеньевну Фролову, Анатолия Николаевича Ямскова и других наших коллег.

Книга подготовлена в рамках программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Работа выполнялась при поддержке гранта РГНФ № 07-01-00257а «Роль игровых факторов в формировании личности и определении жизненных стратегий».

О ЗАДАЧАХ И ЦЕЛЯХ ДАННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования последних десятилетий в области наук о человеке все больше убеждают нас в том, что, *во-первых*, нет четкой границы между относящимися к этой сфере разными дисциплинами, а следовательно, любое добросовестное изучение тех или иных аспектов жизнедеятельности человека с неизбежностью вынуждено затрагивать вопросы, являющиеся предметом компетенции смежных наук, и в результате становится междисциплинарным и комплексным; *во-вторых*, невозможно утверждать, что те или иные элементы жизнедеятельности являются «первичными» («главными») или «вторичными» («второстепенными») лишь на основании того, что научная традиция всегда ставила их во главу угла или, напротив, не уделяла им достаточного внимания. Эти утверждения в полной мере относятся к исследованиям различных аспектов поведения и деятельности человека (например, в рамках *этологии*) и к изучению физиологических и анатомических особенностей человеческого организма (в первую очередь — его внешней телесной оболочки и отдельных частей тела) с точки зрения их социальных функций (в рамках *социобиологии*).

Вышедшие в последнее время исследования по телесности, в частности, по эволюционным основам и культурной символике человеческого тела (Шинкарев, 1997; Мазалова, 2001; Кабакова, 2001; Кон, 2003; Бутовская, 2004; Пушкарева, 1997 и др.) свидетельствуют о важной роли такого рода представлений как при построении моделей мироустройства и социальных моделей (ср., например, мифы о возникновении вселенной или различных социальных групп из частей тела первопредка), так и в ритуальных и обиходно-бытовых практиках, во многом определявших повседневный жизненный уклад представителей различных культур. С учетом этого, можно говорить о существовании особой семиотической системы, использующей в качестве знаков и символов те или иные человеческие органы (части тела) либо их комбинации. Например, изображение человеческой руки в некоторых культурах может восприниматься как символ жизни или власти, а две сомкнутые руки могут символизировать союз или приветствие. Поскольку чаще всего эти «знаки тела» используются для различных типов коммуникации, как правило невербальной (хотя могут и дублировать обычные речевые высказывания), для обозначения их коммуникативных функций используется словосочетание «язык тела».

Язык тела играет важную роль в социальном общении и существенным образом определяет индивидуальный жизненный успех каждого индивида, идет ли речь о современном индустриальном обществе или о традиционных культурах охотников-собирателей, ранних земледельцев и скотоводов-кочевников.

Язык тела, по крайней мере язык жестов, занимал умы ученых уже с эпохи Древнего Рима, подтверждением чему является труд Цицерона «Об ораторе». Профессиональное же и прицельное изучение разных аспектов языка тела в антропологии, этологии и психологии началось примерно с 60-х годов XX века (Д. Моррис, Дж. Фаст, Э. Холл и др.), и с тех пор изучение невербальной коммуникации человека ведется активными темпами и широко освещается в популярной литературе (И. Айбл-Айбесфельдт, И. Альтман, К. Андерсон, М. Аргайл, К. Граммер, Р. Данбар, П. Экман, К. Изард и др.). Теоретические знания о невербальном поведении широко применяются на практике в специальных программах по психотренингу, направленных на повышение самооценки и индивидуального успеха и в коллективных тренингах на рабочем месте, направленных на повышение эффективности труда (Пиз, 1992; Биркенбил, 1997; Пиз, 2000). Исследования этологов и специалистов по проблемам коммуникации, посвященные анализу невербального поведения политических деятелей, получили широкое освещение в США, Великобритании, Германии, Франции и послужили основой для прикладных разработок в области политической рекламы (Frey, 1998; Schubert, 1998).

В последние годы интерес к языку тела исключительно возрос в нашей стране, о чем свидетельствует большое количество переводных и отечественных исследований на эту тему (Пиз, 1992; Биркенбил, 1997; Крейдлин, 2002; Степанов, 2001; Фаст, 1997; Холл, 1997; Гордон, 2002; Бутовская, 2004; Махов, 2004; Махов, Морозов, 2004; и др.).

В работах по языку тела подробно рассматриваются вопросы культурной символики и этологической нагрузки ряда поведенческих универсалий, в частности ритуалов приветствия, прощания, демонстраций подчинения, правилам пространственного поведения (Бутовская, 2004; Борисова, Бутовская, 2004; Eibl-Eibesfeldt, 1989; и др.).

Причины огромного интереса к исследованиям по невербальной коммуникации человека становятся понятными, если мы обратимся к данным антропологов и этологов, установивших, что информация, передаваемая словами, составляет лишь около 7% от общего объема информации, получаемой человеком, тогда как на долю невербаль-

ных сигналов приходится 93% (мимика, позы, жесты, касания, запахи составляют до 55%, а на долю голосовой паралингвистической составляющей приходится до 38%). В среднем, человек говорит всего 10—11 минут в день, причем вербальный компонент составляет лишь 35% смысловой нагрузки, а невербальный гораздо больше — 65%. Разумеется, конкретную информацию чаще передают словами, однако во всех культурах существует масса жестов, заменяющих слова. Помимо этого, жесты и мимика, сопровождающие речь, служат надежным источником сведений об отношении говорящего к теме сказанного, равно как и о реакции слушателя на полученную информацию.

Невербальная коммуникация человека реализуется при помощи разных каналов связи: ольфакторного, зрительного, звукового, тактильного. Основные каналы связи, которыми пользуется человек в процессе невербальной коммуникации, практически те же, что и у человекообразных обезьян. Однако мимическая, жестовая, звуковая коммуникация у него значительно более дифференцированы, что связано с развитием речи. Символическая невербальная коммуникация, связанная с одеждой и манипуляциями с телом — уникальный человеческий феномен, обусловленный развитием культуры.

Невербальная коммуникация у человека ценна сама по себе, но она также используется человеком в комплексе с вербальной. Доказано, что невербальное поведение может быть мощным фактором формирования наших оценок и установок относительно других людей (Frey, 1997). Внешние параметры человеческого тела (статические индикаторы) и движения (жесты, мимика) оказывают существенное влияние на наше восприятие окружающих. Склонность судить о людях по их внешнему виду глубоко укоренена в человеческой природе, и, по словам Эша (Asch, 1955), одного взгляда бывает достаточно, чтобы сложилось впечатление о характере собеседника, причем это впечатление оказывается столь сильным, что мы не можем помешать его быстрому формированию, как бы ни старались.

Несмотря на растущую популярность исследований по невербальной коммуникации, в них удивительно мало уделяется места и внимания знаковой функции и смысловой нагрузке жестов, связанных с использованием *языка* (как части тела), хотя трудно переоценить важность этого органа для человека в любой культуре. Авторы данного исследования, специалисты в разных областях гуманитарного и естественнонаучного знания, поставили перед собой задачу хотя бы частично исправить эту несправедливость.

Кредо авторов вполне адекватно выражено формулой, вынесенной в название книги: «обнажение языка». Действительно, с одной стороны, мы считаем важной задачей выяснение (раскрытие, «обнажение») функциональной роли языка как части тела в различных мифологических, ритуально-магических и повседневно-бытовых практиках; с другой — планируем уделить пристальное внимание кросс-культурному анализу структуры и семантики жеста «высовывания (обнажения) языка». То есть сигналам, связанным с движением языка, которые привлекают к себе внимание прежде всего своей архаичностью и наличием отчетливых гомологий в поведении животных (в первую очередь обезьян) и, следовательно, позволяют обратиться к ранним истокам человеческого общества, к некоторым аспектам возникновения мышления и речи, к их «биологическим корням». Среди вышедших в последние годы многочисленных исследований роли «биологического» в происхождении «социального» укажем, например, недавно переведенные на русский язык книги Десмонда Морриса: (Моррис, 2004а; Моррис, 2004б).

Учет форм поведения животных при изучении различных культурных артефактов и человеческой жизнедеятельности очень важен, так как хотя человек единственный вид на Земле, обладающий развитой речью и рассудочной деятельностью и создавший не имеющую аналогов в животном мире материальную и духовную культуру и искусственную среду обитания, тем не менее даже в современных условиях большого города он остается биологическим существом, млекопитающим, обладающим рядом общих, сходных с другими высшими приматами особенностями поведения и невербальной коммуникации.

Социальная среда для всех животных и человека является своего рода оболочкой, которая окружает отдельных особей и опосредует воздействие на них физической среды (Бутовская, Файнберг, 1993). По этой причине социальность рассматривается многими этологами в качестве универсального способа адаптации как человека, так и многих видов животных. Чем социальная организация гибче и сложнее, тем большую роль она играет в защите особей данного социума. Только человек обладает свободой воли, имеет речь, культуру, создает произведения искусства, руководствуется в своих действиях моралью и чувством ответственности, а его социальная организация столь пластична и разнообразна по своим проявлениям, что далеко превосходит по своей сложности социальную организацию любого другого вида животных. Однако данные последних лет из области приматологии

показывают, что все эти свойства человека в зачаточной форме уже представлены у высших человекообразных обезьян (Линдبلاد, 1991; Butovskaya, 2000; Моррис, 2004b). Эксперименты с обучением шимпанзе, горилл и бонобо языку глухонемых свидетельствуют о том, что когнитивные способности у этих видов достаточны для усвоения символов и оперирования знаками (Gordon, 1973; Linden, 1974; Панов, 1980). Освоение языка человекообразными обезьянами происходит у них в ходе общения, как и у детей, а не путем формирования условных рефлексов (Линден, 1981, с. 37—53; Savage-Rumbaugh, Lewin, 1994).

Нет ни малейшего резона отрицать также, что наши действия могут определяться глубинными базовыми мотивациями. Социальные нормы часто входят в конфликт с внутренними ориентациями индивидуума, родившегося и выросшего в данной культуре и с первых дней жизни обученного вести себя строго определенным образом. Как это ни парадоксально, но этологические исследования указывают на тот факт, что именно в сфере социального поведения человек менее всего свободен от ограничений, наложенных на него эволюцией. Наглядной иллюстрацией этого тезиса является несоответствие между способностью человека контролировать внешнюю среду обитания и гораздо более скромными его успехами в управлении социальной жизнью.

Конкретный поведенческий акт может осваиваться человеком путем научения и тренировки, но из этого не следует вывод об общей безграничной податливости его поведения к воздействию среды. Существует предрасположенность в освоении поведенческих навыков у каждого вида животных и у человека, и в этом смысле можно говорить о наличии пределов научения. Научение также являет собой пример дарвиновской эволюции, ибо сама способность к научению возникает как следствие избирательного сохранения определенных поведенческих правил в процессе естественного отбора (Dunbar, 1997).

Социальная среда, примитивные аналоги которой есть и у животных, для человека является естественным продолжением среды природной, поэтому в ней продолжают действовать и факторы эволюционного отбора. Эта точка зрения, опирающаяся на учение В. И. Вернадского о «ноосфере» (Вернадский, 2004), представляется уже достаточно утвердившейся. Под давлением социальной среды могут существенно изменяться поведенческие реакции либо их внутренняя и внешняя интерпретация. Одни и те же жесты или движения в ходе эволюции, а также в разные исторические эпохи и в разной социальной среде могут приобретать разные смыслы.

Так, этологи, занимающиеся изучением жестов приветствия и умиротворения у человека и обезьян, убедительно доказывают, что многие жесты такого рода представляют собой ритуализованное филогенетическое производное жестов угрозы или подчинения. По мнению К. Лоренца, человеческий смех, вероятно, в своей первоначальной форме возник «путем ритуализации переориентированной угрозы», т. е. оскаливания зубов, сопровождаемого рычанием (Лоренц, 1998, с. 181—182). Я. Ван Хофф, рассматривая схему преобразования изначального агрессивного оскала в мимику игрового лица у обезьян (такую мимику можно часто наблюдать не только у человекообразных, но и у низших узконосых обезьян во время игровых взаимодействий), доказывает, что производным человеческой улыбки следует считать мимику обнаженных зубов, призванную служить демонстрацией подчинения (Hooff, 1972). Значение и символика жеста «высовывания (демонстрации) языка», по-видимому, могли существенно видоизменяться в процессе эволюционного и историко-культурного развития аналогично трансформациям функциональной нагрузки оскала и обнаженных зубов (см., например: Махов, 2003; Махов, Морозов, 2004). В этой связи показательна, например, демонстрация высуного языка в качестве знака приветствия у тибетцев, а также существование этно- и культурно-специфичных вариаций этого жеста как знака угрозы или желания, о чем и пойдет речь в данной книге.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КИНЕСИКЕ

Наука, изучающая язык тела, называется **кинесикой**. Этот термин предложен Р. Бирдвистелом в 1952 г. (Birdwhistell, 1970). В отечественных исследованиях (см., например: Крейдлин, 2001; Пронников, Ладанов, 2001) под **кинесикой** понимается как «наука о языке тела и его частей», так и «техника тела», т. е. совокупность жестов и способы их применения (Крейдлин, 2001, с. 166—254). При этом существуют две принципиально различные точки зрения на природу невербальной коммуникации человека. Одна из них принадлежит специалистам в области социальных и гуманитарных наук (Р. Бирдвистел один из них), которые отстаивают тезис о полной социальной детерминации языка тела. В рамках этого подхода предполагается, что жестовая коммуникация формируется в рамках конкретной культуры и лингвистически опосредована. Другая принадлежит группе ученых, включающей специалистов в области естественных наук — этологов, приматологов,

физиологов, а также психологов. И. Айбл-Айбесфельдт, П. Экман, Я. Ван Хофф и другие авторы обращают внимание на биологические основы поведения человека и приводят достаточно обоснованные аргументы в пользу наличия целого класса **невербальных универсалий** — движений, выполняемых сходным образом и в равной мере понятных людям самых разных культур. Современные данные из области невербальной коммуникации свидетельствуют о том, что оба подхода имеют право на существование. **Язык тела человека**, по мнению этолога-психолога Р. Хайнда и антрополога В. Рейнольдса, **является результатом тесного взаимодействия между биологией и культурой**, и любое игнорирование этого факта приводит к искажению реальных фактов. Мы будем придерживаться именно последней точки зрения.

* * *

Мимика человека — один из наиболее развитых каналов невербальной коммуникации. В онтогенезе приматов прослеживается последовательное развитие мимики, что непосредственно связано с дифференциацией мускулатуры лица. Мимика у высших приматов при общении на близком расстоянии играет, пожалуй, ведущую роль в передаче информации. Сходство мимических выражений у человека и человекообразных обезьян поразительно.

Способность распознавать эмоции и адекватно на них реагировать локализована в правом полушарии мозга, тогда как левое ответственно за речь и обозначение объектов. Анализ способности контролировать проявление эмоций показал, что люди в большей мере способны контролировать мимику, нежели жесты, позы или интонацию. Это не случайно, поскольку для человека как существа общественного умение скрывать свои чувства и подавлять внешнее эмоциональное отношение к окружающим могло быть жизненно важными и адаптивным. Контроль за мимикой осваивается каждым человеком в процессе социализации. Доказано, что человек обращает первостепенное внимание на лицо собеседника, поэтому, именно контроль над мимикой оказался наиболее значимым.

Некоторые исследователи полагают, что произвольные мимические движения имеют высокую генетическую обусловленность (Bracken, 1969). Это предположение подкрепляется данными близнецовых исследований, по которым мимические реакции монозиготных близнецов в идентичных ситуациях обнаруживают значительно боль-

шее сходство, нежели дизиготных близнецов. А. Летоваара показал, что тип мимики совпадал при показе картинок приятного и нейтрального содержания у 40,8 % пар монозиготных близнецов, тогда как в дизиготных парах, он был сходен только в 4,3 % случаев (Letovaara, 1938). К разряду произвольных движений, имеющих высокий генетический компонент, относится и «шейно-плечевой рефлекс», являющийся начальной стадией движения испуга. «Шейно-плечевой рефлекс» также относится к категории поведенческих универсалий. Это видоспецифическая человеческая реакция, прямые гомологии которой можно усмотреть в поведении приматов и многих других млекопитающих (отшатывание, отведение головы назад, отбегание у обезьян).

Лицо человека — это система, несущая целый комплекс информации. На лице отражается информация об эмоциях, настроении, отношении человека к происходящему, о его характере, принадлежности к социальному слою, степени привлекательности, также о возрасте, поле и определенном расовом происхождении. Человеческие эмоции порождают типичную мимическую реакцию, связанную с деятельностью лицевых мышц. Работы П. Экмана с соавторами показали, что каждая базовая эмоция связана с конкретной мышечной реакцией, при этом лицо принимает конкретное выражение.

Человеческое лицо несет в себе целый комплекс сигналов, и эти сигналы не всегда несут в себе взаимодополняющую информацию. С этим обстоятельством связаны частые неудачи в адекватном восприятии мимики окружающих. П. Экман и В. Фрайзен различают три типа сигналов, связанных с лицом (Ekman, Friesen, 1975, с. 10—11):

1) *статичные сигналы* — к этой категории относится цвет кожи, форма лица, особенности строения черепа и распределения мягких тканей на лице, расположение и форма бровей, глаз, носа, губ;

2) *медленные сигналы*, несущие в себе информацию об изменениях внешности во времени (например, форма и расположение постоянных морщин, изменение мышечного тонуса, степень гладкости кожи, появление пигментных пятен);

3) *быстрые сигналы*, производящиеся за счет движений лицевых мускулов и приводящие к временным изменениям внешности, сдвигам в толщине мягких тканей на лице и временным морщинам. Такие мимические сигналы появляются на лице на краткое время и затем бесследно исчезают. К быстрым сигналам относятся также микровыражения, длящиеся доли секунды. Лишь натренированный глаз